

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

ГЛАВА 1

Летнее солнце повисло над лесом и будто зацепилось за пышные кроны. Оно никак не хотело заходить, заливая леса и поля золотом своего сияния. Природа затихла в преддверии теплого вечера, лишь на востоке слышалась канонада. Говорят, что страшные бои развернулись где-то под Курском. То ли Красная армия погнала фашистов, то ли фашисты снова ринулись к Москве. Никто толком ничего не знал. Здесь, под Харьковом, трудно было узнать правду. Немецкая пропаганда говорила, что советские войска вымотаны в обороне, что их наступательный пыл иссяк и вермахт вот-вот нанесет сокрушительный удар и «красные орды» покатаются на восток, бросая оружие и знамена. Оуновцы говорили разное, да и сама среда националистов была разношерстной. Кто-то из идейных борцов под крылом представителя Армии Краевой ратовал за новое украинское государство и вечную дружбу с фашистской Германией, которой скоро покорится весь мир,

кто-то более скромно и негромко поговаривал о том, что настоящая свобода возможна только без большевиков и гитлеровцев. А кому-то было все равно. Лишь бы было в руках оружие, лишь бы воля была и горилки побольше. И чтобы не мешали пускать кровь и жидам, и краснопузым, и ляхам, посягнувшим на украинскую свободу.

Андрей остановился, продолжая держать девушку за руку, и снова посмотрел на восток. Его пальцы непроизвольно сжали пальчики Оксаны. Девушка шагнула к Андрею и прижалась щекой к его плечу.

— Страшно, Андрийка, — тихо сказала Оксана. — И сейчас страшно, и потом будет страшно. Сколько горя выпало на долю простого народа, сколько всего еще пережить предстоит.

— Нет, любимая, — сурово сказал юноша. — Страшное скоро кончится. Придет Красная армия и выгонит фашистов с нашей земли. И снова будут звучать песни, снова будут развеиваться ленты в девичьих волосах, когда вы будете водить хороводы.

— О чем ты, Андрийка! — Девушка вскинула голову и посмотрела на любимого с тревогой: — Выгонят одних, а придут другие. И кто лучше? Все нам чужие: и фашисты, и москали! Снова будут насаждать свои красные идеи и грабить Украину.

— Ну, какие ты глупости повторяешь, Оксанка, — засмеялся парень. — Никто нас не грабил и грабить не будет. Всегда была Россия, и всегда на этих землях народ жил вольготно и дружно. Те, кого ты москалями называешь, они ведь и Крым завоевали, и Харьков построили, и Одессу. И казаки вместе с русскими всегда сообща защищали эти земли от иноземцев. Не слушай ты своего отца и его дружков. Ерунду ведь говорят. Выпьют горилки и несут чушь.

— Не говори так о моем отце, — нахмурилась девушка. — Он за эту землю воевал, он в боях с петлюровцами был ранен, руки лишился.

— Ну, не буду, не буду, ласка моя! — улыбнулся юноша и прижал девушку к себе. — Все образуется, все равно настанет мир, и мы с тобой поженимся, и будет у нас с тобой хата. И я выучусь на тракториста и буду пахать землю, а ты с нашими детьми будешь мне приносить в поле обед. И будем мы все жить в мире...

Договорить юноша не успел. В лесу раздались один за другим три выстрела. Андрей схватил девушку и прижал к себе, с тревогой глядя на зеленую стену деревьев. И тут лесную тишь прорезал истошный, абсолютно нечеловеческий крик. Пронесся, прорезал воздух и затих, как будто захлебнулся. Оксана от ужаса вцепилась в руку

Андрея ногтями так, что вот-вот на коже выступит кровь. Но юноша будто и не замечал этого. Что это? Человек ли кричал или зверь? Немцев в округе не было, только в Харькове стоял гарнизон, да западнее города торопливо строились оборонительные позиции.

Андрей отошел с девушкой под большую зеленую березу. Он чувствовал, как Оксану бьет дрожь. А через минуту метрах в ста от них на опушку выскочили всадники на деревенских лошадях. Многие даже без седел. Их было человек двадцать, и от опушки они стали разъезжаться в разные стороны.

— Отец? — удивилась Оксана, вцепившись в руку юноши. — Это отец поскакал!

— Что же это было? — вслух произнес Андрей. — Вот что, любимая, ты посиди здесь и ничего не бойся. Только не уходи с опушки, не вставай в полный рост. А я сейчас вернусь.

— Куда ты? — Девушка продолжала держать руку Андрея.

— Я должен посмотреть, что там произошло, — заявил юноша. — Вдруг там беда, вдруг там нужна помощь.

— Нет, — заявила Оксана, — я не останусь. Пойду с тобой!

Сначала они шли напрямик, но потом Андрей сообразил, что проще будет идти той дорогой, по которой проскакали лошади. Там наверняка деревья пореже, а может, и тропа есть и не надо будет продирааться через кустарник. А еще он интуитивно понимал, что крик и выстрелы связаны с присутствием в лесу отца Оксаны и других мужчин, которые недавно проскакали здесь.

И когда Андрей вывел девушку на тропу, то сразу увидел, что там примята трава так, будто по ней что-то тащили. В нескольких местах ему показалось, что он видит на траве и листьях кровь. Местами она была скрыта пылью, поднятой копытами лошадей, но иногда он хорошо различал темные капли. Андрей не стал говорить об этом Оксане, чтобы не пугать ее. А потом они почувствовали запах чего-то горелого. Этот запах был им знаком с самого начала войны. Им приходилось бывать на пожарищах, возле разбомбленных сгоревших эшелонов. За эти два года войны, за время оккупации, молодые люди видели столько трупов, что и не сосчитать. Видели в том числе и обгорелые трупы.

На полянке было сумрачно. Сюда мало проникало света от садившегося солнца. И запах лесной прелой сырости соединялся с удушливым запахом

горелой плоти. Оксана зажала рукой нос, но мужественно шла следом за Андреем. Юноша шел первым, глядя по сторонам, но, когда он увидел догоревший костер и человеческое тело, его едва не вырвало. Горло сдавил чудовищный спазм, в глазах на миг помутилось, но он стоял и смотрел, как будто хотел на всю жизнь запомнить эту отвратительную картину. Оксана вскрикнула и сразу же отвернулась.

— Не смотри на это! Не смотри! — зашептала она, и ее кулачки замолотили в спину Андрея.

А парень не отрываясь смотрел на тело зверски замученного человека. Это был красноармеец, в рваной форме, сквозь прорехи в которой виднелась окровавленная кожа. Он видел пулевые отверстия на бедрах и голених, засохшие потеки крови на одежде. Человеку простреливали ноги, пока он был жив. А потом бросили лицом в костер. Неужели это возможно, неужели можно до такой степени убить в себе все человеческое, чтобы поступать вот так? Можно желать всего, чего угодно: свободы, независимости, можно желать даже смерти врагам, чтобы очистить свою землю от тех, кого ты не хочешь на ней видеть... Но такие зверства? К чему, откуда такая потребность издеваться над людьми? Даже животные, хищники так не поступают. Люди вы или нет?

— И там был твой отец! — с болью, со страшной горечью прошептал Андрей, наконец, отвернувшись.

— Да, да, — замотала девушка головой. — Это страшно, это дико, но для военного времени, для времени, когда весь мир пошел друг на друга стеной, иного и быть не может. Их тоже можно понять, они ведь не за чужое, они за свое...

— За свое... Пусть за свое! — Андрей сжал лицо руками. — Пусть ты ненавидишь! Ну, убей, убивай, если есть такая потребность. Убивай в бою, убивай из-за угла, если в тебе не осталось чести! Но так-то вот зачем? Это уже не война, это... сатанизм какой-то!

— Не говори так! — со слезами на глазах отпрянула от юноши девушка и пылающим взглядом уставилась на него: — Это мой отец, эти люди... они... они...

— Что, Оксанка? — тихо спросил Андрей. — Что? Им плохо жилось при советской власти, их ущемляли, унижали, травили? Чего им не хватало? За что же вот так-то вот? Не понимаю...

Оксана подошла и прижалась к Андрею. Он чувствовал, как девушку сотрясает страшный озноб. И это не реакция тела или нервов. Он понимал, что его любимую раздирает внутренняя борьба. И она понимает, что есть грань между

войной, какой бы она ни была бесчеловечной по своей природе, и дикими зверствами, в которых не было ни военной, никакой другой осмысленной необходимости. Все их прошлые споры именно сейчас уперлись в необъяснимое, недоступное пониманию молодых людей явление. Да и их собственный жизненный опыт ничего не объяснял. Слишком глубока была грань между довоенным радостным, почти праздничным миром, который они помнили, и двумя годами ужаса, ада, смертей и горя.

Адъютант поставил на стол поднос с кофейником и чашками, закрыл высокое окно, задернув штору. Приказаний не последовало. Генерал Мариан Кукель сидел в кресле, с угрюмым видом вытирая лысину платком, как будто в здании царила ужасная жара. И не столько неустойчивая лондонская погода действовала на нервы польскому генералу, только недавно возглавившему вооруженные силы в изгнании, сколько сама ситуация в оккупированной Германией стране. Командовать армией, вести войну на поле боя — не то же самое, что вести войну в кабинете за тысячу километров от линии фронта. Тем более что друзья и союзники в любой момент могут оказаться соперниками и даже врагами, а вчерашний про-

тивник вдруг ринется в друзья и примется отчаянно помогать тебе. И кому верить, как верить? Как вообще принимать решения, когда ты не веришь ни единому слову собственного правительства. Проклятая политика! Спланировать и провести военную операцию легко, а вот спланировать и предсказать предпочтения и поступки политиков невозможно. Если только ты сам годами не варился в гуще европейской политики.

Полковник Януш Филипковский сидел напротив генерала в кресле. Он держался прямо, демонстрируя отменную выправку потомственного военного. На его лице нельзя было прочесть ни сомнений, ни отчаяния. Только холодный расчет и ожидание приказа, чтобы тут же приступить к действиям. Как, оказывается, можно завидовать своим подчиненным, которым чужды сомнения. Которых не касаются политические игры собственного правительства, союзников, таких как Британия, которая готова купить и предать любого из друзей, если это будет выгодно.

— Итак, полковник, вы полагаете, что Гитлер воспользуется такой возможностью и попытается дать ответ за катастрофу под Сталинградом?

— Точно так, пан генерал, — не задумываясь, ответил Филипковский. — Тут не может быть двух мнений. Слишком аппетитно выглядит этот

выступ в обороне русских. И слишком очевидна переброска немецких резервов в район Курска. Тем более все это является подтверждением той информации, которой вы со мной поделились.

— Гитлера там ждет провал, — убежденно сказал Кукель. — Большой провал. Генералы Сталина не дураки. Они уже не раз доказывали, что умеют воевать. Красная армия выдержала два года страшной войны. Мы с вами знаем, насколько она была ужасна для Советского Союза. Но они выстояли. А теперь наносят один за другим удары стратегического масштаба. Здесь речь идет не о тактическом выпрямлении линии фронта, полковник! Для обеих сторон, по обе стороны фронта это стратегическая операция.

— Вы убеждены, что немцы потерпят неудачу под Курском? — спросил Филипковский.

— Этого не знает никто, — отозвался генерал. — Обе стороны приложат максимум усилий, чтобы добиться своих целей. Но у нас есть своя цель — у Великой Польши есть своя цель даже в этой битве. Германия бросит в бой все резервы, она уже сейчас стянула под Курск практически все свои танковые армады. А если Советы разгромят танковые армии Гитлера?

— Как? — удивился полковник.

— Не знаю! — резко сказал Кукель. — Но нам нужно готовиться и к такому развитию событий. Если Красная армия разгромит здесь гитлеровцев и ринется на Запад, то у немцев не будет возможности за короткий срок восстановить численность танковых армий, им негде будет взять горючее для танков. Резервы Германии истощаются, резервы покоренной Европы истощаются, вот в чем проблема, Януш.

— Значит, нам надо готовиться к новой тактике борьбы?

— Именно! Мы не должны допустить, чтобы Советский Союз в короткие сроки вышел к границам Польши. Польшу должны освободить западные союзники, на территорию Польши не должны войти советские войска.

— Но у нас не хватит сил, чтобы противостоять Красной армии, даже войска Германии с нею не справляются.

— Правильно. И поэтому наша задача использовать не только все силы Армии Крайовой, но создать условия, в результате которых украинское националистическое движение активно включится в борьбу, ударит по тылам Красной армии. И тогда Советы будут вынуждены приостановить наступление на Запад и заниматься своими тылами.

Мариан Кукель хорошо знал планы польского правительства в Лондоне. Собственно, эти планы были планами не только Польши, но и планами Великобритании и США. И в соответствии с ними Армия Крайова до поры до времени не вела активных боевых действий. Ее задачей был сбор и накопление сил и ресурсов для будущего восстания в момент взаимного истощения сил СССР и Германии. И в 1942—1943 годах, в отличие от других патриотических движений в стране, Армия Крайова придерживалась стратегии отказа от партизанской борьбы. Удивительно, но получалось, что самая большая вражда, боевые стычки подразделений Армии Крайовой происходили не с немецкими частями, а со своими же поляками — бойцами Гвардии Людовой. Другой силой, активно поддерживающей народное движение, приветствующей Красную армию и активную борьбу с нацизмом в Европе. Польскому правительству в Лондоне, а точнее, самому Британскому правительству, не нужно было коммунистическое движение в Польше. После войны там не должно прийти к власти коммунистическое правительство, ориентирующееся на Советский Союз. Этого допустить было нельзя любой ценой, пусть и ценой жизни сотен тысяч поляков. И в

течение 1943 года в результате боевых столкновений было убито несколько видных командиров Гвардии Людовой.

Они встретились случайно. Сосновский увидел Машу Селиверстову, когда она выходила из парикмахерской, оправляя форменный ремень на гимнастерке и надевая, с явным сожалением, черный форменный армейский берет. Михаил остановился, любясь спортивной фигурой девушки, которую не портила даже военная форма. Было что-то в этой спортсменке от мужской суровой силы. И не только физической, но и эмоциональной. И все же эта сила не могла скрыть то неистребимое женственное, грациозное, что в девушке изначально заложила матушка-природа.

Михаил стоял и любовался фигурой Марии, ее сильными стройными ножками, походкой. Он вспоминал ту операцию под Новороссийском, когда они искали секретную торпеду. Вспоминал минуты опасности и приятные минуты, проведенные с Машей. Нет, между ними ничего не было, кроме симпатии. Это было видно по ее глазам, по учащенному дыханию, по случайным прикосновениям рук. Наверное, так же глупо выглядел и сам Михаил в те минуты, когда подобным же образом выражал свою симпатию, но что делать,

природу не обманешь, и притяжение женщины вызывает ответное притяжение мужчины. Опомнившись, он согнал с лица блаженную улыбку и поспешил за девушкой. Догнав ее в самом конце улицы, Сосновский окликнул Селиверстову:

— Маша! Подожди!

Девушка обернулась на голос, и тут же на ее сосредоточенном серьезном лице вспыхнула солнышком улыбка. Эта улыбка была такой открытой и такой теплой, что и у Михаила стало тепло на душе. Обрадовалась, не забыла, вспоминала!

— Миша? — Брови девушки удивленно поднялись.

Сосновский улыбнулся, млея от осознания того, что Маша впервые назвала его именно Миша, а не Михаил, как раньше. Это говорило о многом.

— Это чудо, что мы с тобой увиделись, встретились, — сказал он и взял девушку за руку. — Немыслимое чудо на войне.

— Я рада, что ты живой, Миша, — тихо сказала Селиверстова. — Где ты, как? Хотя, глупая, о чем я спрашиваю! Мне не положено знать о вашей секретной работе. Скажи хотя бы, сегодня ты еще в Москве?

— Да, а ты?